

Через несколько минут она вернулась, одетая только в бюстгальтер и трусики, которые просил ее сын. Патрик встал, когда она вошла в комнату. Он знал, что это было его воображение, но, казалось, ее окружала какая-то аура, когда она шла к нему... почти как во сне.

Бюстгальтер был без подкладки и состоял в основном из кружева. Кружево было пришито к очень прозрачной прозрачной сетчатой ткани, которая оставляла очень мало места для воображения. Верхние внутренние части ее груди вывалились из едва прикрытого бюстгальтера. Патрик не мог решить, сосредоточиться ли ему на обнаженной коже, исходящей от выпуклости ее груди, или на тени ее ареолы и сосков, которые он мог видеть сквозь прозрачную ткань бюстгальтера. Прежде чем принять решение, его взгляд скользнул вниз по ее подтянутому животу к соответствующим трусикам. Они были в стиле бикини, но с высоким вырезом на ногах. То же кружево и прозрачная ткань были достаточно прозрачными, чтобы он мог видеть, что его мама, казалось, была полностью выбрита. В довершение всего она надела пару 5-дюймовых туфель на шпильках, которые подчеркивали ее лак для ногтей на пальцах ног и были застегнуты вокруг лодыжек.

- Это подойдет Пи-Джею? - спросила Эшли, немного дрожа, когда это сделала. По какой-то причине ей показалось уместным обращаться к нему самым интимным образом, называя его тем прозвищем, которое она дала ему, когда он был совсем малышом.

- Вау... мам, это даже лучше, чем я мечтал... серьезно... - пробормотал Патрик.

Они оба сделали по большому глотку вина, когда Эшли встала с тревогой.

- Как мы это сделаем, Пи-Джей? - спросила Эшли.

Патрик быстро подумал... он хотел повысить ставки после того, как позволил ей "обнаружить", что он мастурбировал на нее, но он не рассматривал детали.

- Эм... может быть, ты могла бы лечь на кровать и позволить мне сделать там несколько снимков? - спросил он.

- Как насчет, если я вместо этого сяду на диван? - Эшли улыбнулась, уловив его уловку.

Патрик покраснел.

- Конечно, мам, это было бы здорово.

Эшли села на диван и слегка повернулась так, что теперь она лежала примерно под углом 45 градусов к подушке спинки и подлокотнику, одна нога на полу, а другая согнута, а пятка и подошва ее туфли на диване. Она быстро посмотрела вниз, чтобы убедиться, что чашка бюстгальтера не сдвинулась, как и её трусики. Она сделала глубокий вдох и улыбнулась Патрику.

- Я готова, Пи-джей, - выдохнула она.

Патрик нащупал свой телефон. Если бы он думал, что это может произойти, он бы взял с собой более дорогую цифровую зеркальную камеру, но он не собирался упускать эту возможность ради нескольких мегапикселей.

Он двигался, делая один снимок за другим. Глаза Эшли следили за объективом, когда он двигался. Она втягивалась в это. Патрик продолжал разговаривать с ней, делая один снимок за другим.

- Да... вот так... хорошо.. теперь улыбайся чуть меньше... подними правую руку к волосам... теперь проведи ногтями по груди... наклони голову еще немного вверх... пусть бретелька бюстгалтера упадет на одно из твоих плеч... теперь используй ногти на животе... посмотри вниз, как будто ты смотришь на свои пальцы... немного ниже... Боже, мам, ты выглядишь как ангел...

Она никогда не позволяла своему бывшему или кому-либо, с кем она встречалась, фотографировать ее вот так. До этого момента это казалось "греховным" делать это. Но теперь она чувствовала себя сексуальной, чувствовала себя живой, чувствовала себя любимой.

Она также почувствовала покалывание в своей киске. Она посмотрела на промежность своего собственного сына и увидела, как напряглись его штаны. Она начала представлять, что он сделает в уединении своей спальни, когда вернется домой сегодня вечером. Она начала двигать руками по своему телу, не дожидаясь указаний Патрика. Когда она провела правой рукой по ластовице своих трусиков, она подтвердила, что этот момент заставил ее намокнуть от предвкушения.

- Может быть, попробуем расстегнуть бюстгалтер, мама, - предложил Патрик. - Тебе не нужно показывать то, чего ты не хочешь... думаю, что твой лифчик будет прикрывать твои соски.

Не задумываясь, Эшли подчинилась. Она протянула руку, расстегнула бюстгалтер с застежкой спереди и вернулась в лежачее положение. Нижняя чашка начала соскальзывать вниз теперь, когда она не была прикреплена к другой. Патрик фотографировал обнаженную левую грудь своей мамы, но скольжение прекратилось, как только край чашки коснулся ее соска. Они были настолько прямыми, что ни одна ткань не прошла бы там без дополнительных усилий. Она почувствовала, насколько она, должно быть, мокрая, и испугалась, что Патрик тоже это увидит. Она попробовала позу, в которой скрестила ноги, чтобы Патрик не мог видеть, как влага начинает просачиваться. Но когда она это сделала, это только усилило ощущение, так как это каким-то образом массировало ее клитор. Фотосессия закончилась вскоре после этого.

- Я думаю, на сегодня этого достаточно, - пробормотала Эшли, садясь. Она услышала последний щелчок камеры телефона и заметила, что Патрик направил объектив прямо на ее грудь. Она посмотрела вниз и увидела, что вся ее верхняя часть груди была темно-красной. Она знала, что Пи-джей распознал это как верный признак того, что она не просто невинно

позировала... она знала, что делает, и была очень взволнована этим. Эшли ничего не сказала, она только застегнула лифчик и встала.

Теперь они с Патриком оба стояли лицом друг к другу, разделенные менее чем футом.

- Я думаю, что этого должно быть более чем достаточно, - выдохнула Эшли, глядя вниз, чтобы увидеть выпуклость, выступающую из-под его брюк.

- Да... думаю, да, - пробормотал Патрик. Его разум пытался осмыслить события этого вечера.

- Кажется, я согласилась на другую пару трусиков для тебя, не так ли? - проворковала она.

Патрик мог только утвердительно кивнуть.

Она задела его, когда шла в свою спальню, чтобы достать пару из корзины. Она не была сильно впечатлена несколькими парами, которые были там. Все они были обычным хлопчатобумажными. Пока она размышляла над этим, у нее случился мозговой штурм. Она сняла трусики, завернулась в полотенце ниже талии и вернулась к Патрику, белые трусики, которые он видел на ней несколько минут назад, свисали с ее ухоженного пальца.

- Эм... вау... спасибо, мама, - пробормотал Патрик, забирая их у нее.

В этот момент его разум, казалось, уловил слова и действия, происходящие в комнате. С внезапным моментом ясности он протянул руку, обнял ее за талию и притянул к себе. Она была удивлена внезапностью того, что Пи-джей так притянулся к ней. Их лица теперь всего в дюйме или двух друг от друга.

- Ты знаешь, что я собираюсь с ними сделать, не так ли? - прошептал он, поднимая трусики, чтобы потереться об их щекой. - Ты знаешь, что я собираюсь пойти домой и подрочить на эти фотографии своей мамы. И когда я кончу, я кончу в эти трусики.

Они оба чувствовали запах ее женственного аромата на трусиках.

- Что ты будешь делать, пока я потираю свой твердый член и нюхаю твои трусики, мама? Что ты будешь делать, когда я кончу на них, мама?

"Боже мой", - подумала она. "Мой собственный сын может заставить меня кончить только своими словами, силой своего дыхания и рукой на моей пояснице".

Собрав всю силу воли, которая у нее была, она положила руки ему на плечи и сказала: - Давай поговорим об этом позже, Пи-джей, - и позволила ему пройти мимо нее по пути к двери.

Патрик пересек комнату и оглянулся, когда подошел к входной двери. Его мама стояла там, завернутая в полотенце и одетая в лифчик, который ясно показывал ее соски, торчащие из кружевного материала. Они оба хотели подбежать друг к другу и обняться, но Патрик знал, что ей нужно время, чтобы приспособиться к этому новому уровню близости. Как только она сможет объяснить это, он может попытаться сделать следующий шаг.

"Терпение... терпение..." - мучительно подумал Патрик, а затем повернулся и вышел за дверь.

Когда он вернулся домой, он кончил дважды, рассматривая фотографии и нюхая мамины только что использованные трусики. Он подумал о третьем разе, но решил, что теперь у него много времени, чтобы вспомнить тот вечер в своей голове, и пошел спать.

Сон пришел к Эшли не так легко. Как только Патрик ушел, она выключила весь свет, заперла двери, умылась и легла спать. В ту ночь она не потрудились надеть пижаму. Она только сняла лифчик и бросила его в корзину. Ворочаясь в постели, она заметила, что ощущение простыни на ее сосках продолжало держать их напряженными. Или, возможно, дело было не в простынях... возможно, это было воспоминание о лице Патрика в дюйме от ее лица, ее трусиках в его руке, протирающихся о его щеку, напоминая ей, что он собирался использовать их для дочки сегодня вечером.

Эшли начала водить руками по своим сиськам и спускаться к своей киске. Она быстро провела пальцем по губам, просто чтобы убедиться, что она мокрая, просто думая о событиях ночи. Она снова подняла руку.

"Что я делаю", - подумала она. "Я не могу фантазировать о Патрике... Это инцест".

Но она ничего не могла с этим поделать. Желание было слишком сильным. Она не чувствовала вины за то, что на самом деле мастурбировала... это было то, что не было ей чуждо. Но объект ее фантазии — это то, что поставило ее в затруднительное положение. Эшли почувствовала себя виноватой, когда она полезла в ящик своего прикроватного столика и вытащила свой вибратор, включила его и провела им по внутренней стороне бедра, а затем направила наконечник прямо на свой клитор... все это время, думая о Патрике. Чувство вины уступило место более основному побуждению... ей нужно было кончить.

Она использовала свой вибратор для стимуляции своего клитора и двигала им маленькими кругами... сначала медленно... позволяя сокам смазывать ее повсюду. Когда она стала более влажной, она начала скользить вибратором внутрь и двигать его внутрь и наружу. На вершине ее вульвы было волшебное место, которое особенно покалывало, когда она прикасалась к нему, и однажды, когда она позволила ему войти в нее, она навелась на это особое место, что заставило ее ахнуть, когда она ущипнула свой сосок другой рукой.

- Ох, Пи-Джей, - прошептала она. - Я хочу, чтобы ты трахнул меня, малыш... Иди трахни мамочку.

Что-то в том, чтобы сказать что-то настолько запретное вслух, вызвало бурю внутри Эшли, и

она кончила так сильно, как никогда раньше. Она была слишком измучена, чтобы чувствовать вину или стыд. Вместо этого она сразу же погрузилась в сон.

<http://erolate.com/book/2709/63576>